

О.И. Ивонина

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» Н.А. БЕРДЯЕВА

***Аннотация.** Рассматривается место Первой мировой войны в исторической концепции Н.А. Бердяева. Сделан вывод об экзистенциальном характере историко-политического дискурса русского мыслителя, считавшего это событие подтверждением его прогноза о драматическом транзите всемирной истории от эпохи Нового времени (Модерна) к «Новому Средневековью». В исследовании даны оценки таких знаковых концепций Н.А. Бердяева, как «закат Европы», «Пробуждение Азии», «конец Нового времени», «Новое Средневековье», «эра неопределенности», «новая творческая эпоха».*

***Ключевые слова:** философия истории Н.А. Бердяева, Первая мировая война, конец Нового времени, Новое Средневековье, тоталитаризм.*

В философии истории Н.А. Бердяева воплотилось все своеобразие его личности и исторического опыта. Знакомство с опытом его автобиографии («самопознание») и знаковыми статьями («Судьба России», «Смысл истории», «О назначении человека», «Истоки и смысл русского коммунизма») убеждает в том, что размышления о судьбах человека и человечества в пространстве и времени всемирной истории не были только конструктами его идей. Драма истории XX века переживалась как факт собственной жизни и результат собственного действия, как часть внутреннего мира мыслителя. Исторический опыт Бердяева вместил в себя две мировые войны, две революции в России, вынужденное изгнание из России на знаменитом «философском пароходе», нацистский переворот в Германии, оккупацию Франции, начало «холодной войны». Сам Бердяев полагал, что его личный опыт именно благодаря наполненности такого рода драматическими событиями носил экзистенциальный характер, раскрывая нечто, универсально значимое для судеб мира и человечества. Не случайно Бердяев считал моральным *credo* историка *аб-*

солютную ответственность человека-микроскопа за все исторические события, даже находящиеся вне его контроля и времени жизни.

Бердяев всегда искал альтернативу сформулированной идеологами Просвещения концепции всемирной истории, безнадежно устаревшей в XX веке. Эти поиски активизировались в процессе осмысления им итогов Первой мировой войны, свидетельствовавших не только о теоретической несостоятельности, но и о моральном крахе идеи прогресса. Критика идеи прогресса превратилась у Бердяева в годы Первой мировой войны в критику интеллектуального наследия эпохи модерна и приобрела новую тональность. Позитивистский историзм казался русскому автору исключительным достоянием благополучного XIX века, отразившим его философию времени и интеллектуальную атмосферу. Первая мировая война опровергла то, что казалось незыблемым приобретением человечества, – прочность культурных устоев комфортной и респектабельной истории Запада. Чудовищный факт мировой бойни, развязанной передовыми европейскими нациями, показал ошибочность фундаментальных тезисов либеральной рационалистической историографии: в истории нет поступательного развития, необратимости достижений культуры и цивилизации. Мировая война сдернула тонкую пленку цивилизации XIX – начала XX вв., обнажила глубинные пласты человеческой жизни, расковала *хаос иррационального* в человеческой природе [8. С. 322].

Ситуацию кризиса прежних объяснительных схем, сконцентрированных на идее прогресса и ценностей гуманизма, философ назвал *методологическим «безвременьем»*. Он утверждал: «Я исхожу из глубокого убеждения в том, что нет возврата ни к тому образу мысли, ни к тому строю жизни, которые господствовали до мировой войны, до революций и потрясений, охвативших не только Россию, но Европу и весь мир. Все привычные категории мысли и формы жизни самых «передовых», «прогрессивных», даже «революционных» людей XIX и XX веков безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего» [1. С. 411].

Первая мировая война стала для Н.А. Бердяева подтверждением его прогноза о завершении прежнего, прогрессистского по своей направленности, проекта всемирной истории, на смену которому приходит эра неопределенности. Он отмечал: «Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже кос-

мический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения» [6. С. 114].

Эта историческая катастрофа была воспринята русским мыслителем как символ «заката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой Западу принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Н.А. Бердяев, подобно множеству других представителей русской революционной демократии (Г.В. Плеханову, А.А. Богданову, В.И. Ленину, Ф.А. Степуну и Г.П. Федотову), указывал на фактическую, культурно-антропологическую и социально-психологическую обусловленность Первой мировой войны вступлением человечества в новый этап развития – эпоху империализма.

Феномен империализма (как политики и мировоззрения) демонстрировал, по мнению Н.А. Бердяева, разрыв Запада с базовыми, религиозно обоснованными ценностями, доселе предлагаемыми миру в качестве универсальных образцов «цивилизованности» и прогресса: гуманизма, гражданских прав и свобод человека, самоопределения народов и национально-государственного суверенитета, неукоснительного соблюдения норм международного права.

Глобальный конфликт, инициатором которого стали «цивилизованные» народы Европы, опрокинул мир в эпоху «Нового варварства». Ее символами стали для Бердяева культ техники (апогеем которого стало создание и использование оружия массового уничтожения, формирование технократических элит), маргинализация общества, милитаризация сознания и поведенческих стандартов населения, тотальная манипуляция массовым сознанием, внеэкономические методы принуждения, мобилизационный тип экономики, кризис либеральной демократии в процессе транзита европейских государств к тоталитаризму.

Мировая война обострила внимание Н.А. Бердяева к идее «конца Европы». В годы войны, а затем и под впечатлением от книги О. Шпенглера он обратился к герценовской идее Запада как «нового Китая», подразумевая под этим окаменевшее, статичное состояние европейского социума, не способного ответить на вызов грядущей социальной катастрофы – революции, несущей смерть буржуазной цивилизации [6. С.167–168].

Самосознание человека Нового времени как эпохи освобождения человека из плена сословно-корпоративных и этноконфессио-

нальных ограничений, внеэкономического принуждения и подчинения властным авторитетам оказалось иллюзорным. В эпоху господства техники, демократии, общественного мнения, прессы, биржи и парламентаризма появляются, по мнению философа, лишь новые формы зависимости человека от общества, новые, более действенные, чем прежде, формы контроля, которые способствуют утрате индивидуальности и всеобщей стандартизации [9. Т. 1. С. 416].

Впечатления от Первой мировой войны оказались у Н.А. Бердяева настолько сильными, что он всю оставшуюся жизнь считал ее системообразующим фактором всей Новейшей истории (Современности, или Постмодернити). Мировые события после 1914 г. представлялись ему лишь продолжением этой катастрофы. Послевоенное развитие мира, в котором усиливались авторитарные, коммунистические и национал-социалистические движения, Н.А. Бердяев оценивал с позиций своего исторического пессимизма. В книге, написанной во второй половине 40-х гг., мыслитель писал: «Мы живем в мире, созданном двумя мировыми войнами и готовимся к третьей мировой войне. Мы живем в мире, в котором революция является лишь трансформацией войны. Это определяет все ценности» [10. С. 323].

Переживание событий мировой войны и послевоенного времени усилило интуицию *альтернативности всемирной истории*, ранее проявлявшуюся у Бердяева лишь в оценках исторических судеб России. Послевоенная история казалась Бердяеву конкуренцией трех альтернативных тенденций мирового развития, трех вариантов выхода из кризиса, переживаемого современной цивилизацией:

1. Исход фатальный или «хаос конца»: продолжающийся распад мировой капиталистической системы, гонка вооружений, чреватая гибелью мира в ядерном Апокалипсисе, война всех против всех.

2. Создание нового, насильственного и механистического порядка – «организованности, не оставляющей места свободе», ведущей к тотальной деспотизации мира.

3. Преодоление социального и культурного хаоса, синтез общечеловеческих ценностей с идеалом социальной справедливости.

Первая альтернатива современного развития проявляется, по мнению философа, в *цивилизационной унификации мирового развития*. Война подтвердила справедливость прогноза как самого Бердяева, так и его оппонентов в лице Ленина и Гильфердинга о расширении капиталистической цивилизации на Восток средствами империалистической экспансии. Для Бердяева эта тенденция

свидетельствовала о попятном движении всемирной истории, от окончания зрелого Модерна (капиталистической цивилизации) к началу эпохи нового Средневековья [9. Т. 1. С. 422].

В «Пробуждении Востока», в национально-освободительных движениях афро-азиатских народов Н.А. Бердяев увидел все то же торжество внутренне истощенного «Запада», передающего много-миллионным народам Индии и Китая самые дурные стороны европейской цивилизации: материализм, национализм, социальную атомизацию массового общества, упоение техническим прогрессом. Заимствованные у европейцев современные технологии Восток, по мнению философа, станет использовать инструментально – в качестве средства противостояния с Западом в экономической и военно-политической сфере, приближая тем самым собственное возвышение и «падение Европы» в силу утраты ею роли эталона мирового развития [3. С. 199].

В годы Первой мировой войны для Бердяева со всей очевидностью проявилась истощенность духовного потенциала народов Востока и Запада. Н. Бердяев отмечал: «После войны Серединная Европа внутренне разбита. Силы ее не только материально, но и духовно подорваны. Цивилизация через империализм и через социализм должна разлиться по поверхности всей земли, должна двигаться и на Восток. К цивилизации будут приобщены новые массы человеческие, новые слои. И новое Средневековье будет цивилизованным варварством, варварством среди машин, а не среди лесов и полей» [9. Т. 1. С. 389–390].

Наряду с мировой цивилизационной унификацией действует и вторая тенденция, отмеченная Н.А. Бердяевым, – *тоталитарная революция*, создание принудительно организованных сообществ. Мыслитель считал, что первая и вторая тенденции мирового развития связаны между собой, так как, разрушая культуру, цивилизация возвращает «внутреннее варварство» на своей собственной почве [4. С. 172].

«Новые варвары», люди массового общества, становятся преобладающей политической силой. Тоталитарная революция, подготовленная буржуазным обществом, оставляет человечество в пределах *цивилизации*, но меняет *социальную форму* последней. Буржуазная цивилизация сменяется индустриальной, превращая жизнь миллионов в «огромный и организованный производственный процесс,

в промышленную мастерскую, которую должно украшать искусство и обслуживать знание» [5. С. 52].

Н.А. Бердяев был в числе тех, кто считал противостояние с либерализмом и индивидуализмом общим свойством большевизма, фашизма, национал-социализма и прочих версий тоталитаризма XX века. По его мнению, все тоталитарные режимы стремятся к контролю над массовым и индивидуальным сознанием, устраняя свободу даже из мира душевных переживаний личности. Автор утверждал: «все мышление делается принудительным, подчиняется социальному вероисповедному центру, т.е. происходит возврат к Средневековью, но уже не на религиозной, а на материалистической почве» [2. С. 40].

Глубинным сходством тоталитарных режимов мыслитель объяснял их враждебность культуре, демократическим свободам и уважению человеческого достоинства, наглядно проявившиеся в политике послевоенных России, Германии, Италии. Страна философов и поэтов оказалась в тридцатые годы местом гонения духа: «Германия, в которой раньше был настоящий культ ученых, философов, профессоров, университетов, часто преувеличенный и смешной, теперь совершенно перестала уважать ученых, философов, профессоров, университеты и готова их разгромить» [8. С. 341].

Победу тоталитарных тенденций в развитии послевоенного мира Н.А. Бердяев считал разрывом Запада с наследием эпохи гуманизма и Просвещения, аналогично торжеству феодальной реакции в Европе после Наполеоновских войн – «внутренней реакции против всей новой истории, реакции против всего ренессансного освободительного периода и против французской революции» [9. Т. 1. С. 393–394].

Тоталитаризм как форма «нового варварства» обращается к архетипам сознания и переустраивает общество на началах традиционализма и архаического коллективизма. Однако это «вторая редакция» традиционализма, который принимает цивилизованные формы, используя все орудия и блага цивилизации. Тоталитарное общество доводит до предела инфернальную эсхатологию цивилизации, демонстрируя возможность «повторного варварства» – реакционного восстания маргиналов против достижений мировой и национальной культуры. По мнению Бердяева, это восстание свидетельствует о необратимом регрессе культуры, преобладании попятных и даже тупиковых траекторий всемирной истории [7. С. 225].

Таким образом, тоталитаризм как реакция на ценности Модерна открывает новую эпоху в истории человечества, названную автором «Новым Средневековьем» по аналогии со временем крушения античного мира.

Своеобразие мирового развития после Первой мировой войны Н.А. Бердяев усматривал в том, что пришедшая в упадок эпоха «Новой истории» и идущая ей на смену эпоха «Нового Средневековья» сосуществуют в одном физическом времени, однако территориально размежевавшись. Символом первой эпохи является США, а второй – СССР. Конфликт Модерна/«Новой истории» и Постмодерна / «Нового Средневековья» принял вид противостояния ценностей свободы и социальной справедливости. На самом деле, полагал автор, современное буржуазное общество мало благоприятствовало свободе, а советское – справедливости[10. С. 322].

Параллельно с ужасающими картинами агонии Новой истории и погружения в ночь тоталитарного «нового Средневековья» Н.А. Бердяев рассуждал о третьей тенденции послевоенного развития – новом духовном возрождении человечества, «новой творческой эпохе». Вместе с тем Н.А. Бердяев не считал тенденцию к духовному возрождению человечества господствующей – в силу своей приверженности историческому пессимизму и трагическому пониманию истории человечества. Представляется, что этот вектор всемирной истории был в большей степени предметом упований и надежд религиозного мыслителя, чем результатом углубленного научного анализа альтернатив послевоенного развития.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990.
2. *Бердяев Н.А.* Конец Ренессанса // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. – Берлин: Обелиск, 1923.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
5. *Бердяев Н.А.* Социальный кризис культуры // Новый град. – 1932. – № 3.
6. *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: Прометей, 1990.
7. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства // Русское зарубежье. – Л.: Лениздат, 1991.
8. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994.
9. *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Искусство, 1994. Т. 1–2.
10. *Бердяев Н.А.* Царство Духа и Царство Кесаря. – М.: Республика, 1995.